

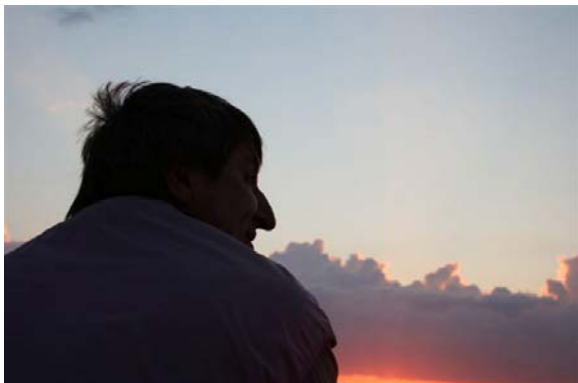
Евгений Плоткин

Рыбацкие рассказы русского израильянина

РЫБАЦКИЕ РАССКАЗЫ РУССКОГО ИЗРАИЛЬТЯНИНА

Мой друг Володя Баканов, в девичестве Вовка Кауфман, когда-то давно работал в журнале «Шахтер». Ныне он известный переводчик, мэтр, а тогда был просто сотрудником столичного журнала. Однажды послали его в командировку на Сахалин, не помню с какой целью. А может, и без всякой цели, просто послали. Не успел Вовка сойти с трапа самолета, как подбегает к нему человек и вместо «здрасьте» говорит:

– Владимир Игоревич, вы рыбак или охотник?

– Ну-у, знаете, не охотник – это точно...

– Значит, рыбак, – с энтузиазмом заключил встречающий. – Сначала заедем в гостиницу, а утром... – и мужик мечтательно закатил глаза.

Наутро погрузили в машину коньяк, водку, икру красную, шашлычок и поехали ловить рыбу. Сама рыбалка запомнилась неотчетливо, но рассказывал Вовка о ней не без удовольствия.

– Ты понимаешь, Женька, мы выпили, закусили, снова выпили, за Москву, за столицу, за журнал «Шахтер», потом мне дали удочку, я её держу в руках, но соображаю плохо, вообще никак не соображаю. Последнее, что помню – мысль между глаз бежит: «Хорошо всё же, что я не охотник, как хорошо... дали бы мне сейчас ружье...»

Я помню, как Вовка мне все это рассказывал в восьмидесятых в Москве. Я слушал с интересом, но без внутреннего возбуждения: ну рыбалка, ну на Сахалине – спаивали по-черному, боялись, что напишет не то и не туда. Наверное, слушал так потому, что сам тогда был ещё не рыбак.

Рыбаком я себя по-настоящему почувствовал уже в Израиле. Как апрель приходит, как солнце начинает жарить, так отчаянно хочется куда-нибудь на Север, в Карелию. Туда, где много воды, лес, туманы, поплавок-червячок, плюс двадцать – максимум плюс двадцать, ни градусом больше! – и никаких криков «Моше, ты уже выгулял собаку?»...

Особенно остро хотелось на рыбалку на Север в первые израильские годы. Сейчас уже не то. Тянет, конечно, но не злобно, а мягко и без экстаза, а тогда так тянуло – до умопомрачения.

В 97-м в мае в Москве была конференция, осталось несколько свободных дней, я прыгнул в питерский поезд, наутро был у друзей, а на следующий день уже кидал спиннинг на Вуоксе. Не клевало, но было очень хорошо. Для порядка сменил десяток блесен, прогреб километра два против течения, обкидал камыши, а потом подумал: «А ну его к Богу в рай, что я – рыбу ловить приехал?» Лег на дно лодки, волна такая тихая, плавная,

смотрю вверх – кроны берез покачиваются, листки на них ещё светло-зеленые, молодые совсем, и качаются тоже. Ветерок был как по заказу, верховой, под настроение в самый раз. Я задремал от счастья. А проснулся – понял, что последняя электричка из Приозерска вот-вот уйдёт, и привет...

Как успел на неё – не знаю, но успел, плюхнулся на сиденье, пытаюсь отдышаться. Напротив сидят два мужика с удочками и спиннингами. Один смотрит на меня и говорит:

– Не клюёт?

– По нулям, пусто.

– И у нас, блин-компот, не берёт по весне, зараза.

– Колебалку кидали или вращалку?

– А всё кидали, что кидалось, нет ни фига. Ты пиво будешь?

Я не люблю пива, горькое оно и противное, но в Питере пьют пиво все, начиная с грудных младенцев и кончая ветеранами партии с семнадцатого года, сосут с такой страстью, будто сорок лет ходили по Синайской пустыне бесцельно и вдруг нашли заветный источник.

– Буду, – говорю, – буду, конечно.

– Тебе какого? Сейчас по вагонам носить будут.

Вопрос сложный, я помню лишь рижскую поговорку семидесятых: “Пейте пиво «Алдарис» – будете как Балдерис”... Но ребята наверняка «Алдарис» не пили, да и вряд ли под Синёво его понесут.

– Давай, пожалуй, «Балтику», – говорю я, внутренне зажмуриваясь.

– Тройка или четвёрка?

Вот гады! Но, в общем, всё равно, важно ответить быстро.

– Тройку, а если нет – четвёрку.

Купили пива, выпили по бутылке, потом ещё, потеплело в вагоне и на душе. Может, и не такая уж гадость, пиво это.

– Слушай, парень, – говорит один из рыбаков, – ты судака в заливе на живца ловил?

– А берёт?

– Не поверишь – хватает! Но только надо живца не за спинку цеплять, а в рот ему поводок засовывать и выводить через зад, так он более шустрый и живёт дольше.

Я представил себе шустрого живца в таком виде и неуверенно спросил:

– Живёт дольше? Может, всё же за спинку?

– Ну, что ты! За спинку живец долго не протянет,дохнет быстро. Только в рот, но аккуратно. Иначе был живец, а стал мертвец, и никакого судака.

– А какой живец, уклейка?

– Не-ет, уклейка слаба, надо молодого окушка сажать, или плотвичку, на худой конец.

– Ну, окушка – это другое дело. Поводок вольфрамовый?

– Лучше вольфрамовый, на карабинчике. Есть хочешь? Что молчишь? Вот хлеб и шпроты.

Стало совсем хорошо, как и должно быть после рыбалки.

– Знаешь, – говорит один из них, – дай мне телефон, позвоню зимой, у меня «Козёл» есть, я милиционером работаю, возьмём «Коз-

ла» и на Ладогу по льду махнем. Там банка одна имеется, метра три глубиной, налиим на ней берёт – зашибись. Иногда так хватает – не вытянуть наверх.

- Налиим?
- Налиим!
- Да ну?
- Ну да!

И тут меня чёрт за язык как дёрнет! Шпротину подхватил и говорю:

– Это здорово, а у нас налиим плохо берёт.

– А где это «у нас»? Где он плохо берёт? – спрашивает более активный из моих корешей, тот, что милиционером работает.

– Да у нас, в Израиле.

У милиционера что-то забулькало в горле, и он стал открывать и закрывать рот не хуже выдернутого из воды налима. Второй, попассивнее, просто окаменел и смотрел на меня с ужасом. Наконец к милиционеру вернулся дар речи.

– Так ты из Израиля? – говорит он, а сам почему-то смотрит на бутылку «Балтики», зажатую у меня между ног.

- Да, а что?
- Как что? Как что?! А здесь ты что делаешь?
- Рыбу ловлю.
- А там?
- А там живу.
- А здесь?
- Здесь рыбу ловлю.

Милиционер вошел в клинч и лишь открывал рот, не отрывая глаз от моей бутылки. Я взял пиво, мы чокнулись, лицо у него порозовело, а взгляд стал более осмысленным.

- А люди... люди там как живут, как ходят? Какие там люди?
- Да обычные люди, работают, отдыхают, обычные люди.
- А машины, машины там какие?

– Да нормальные машины, даже «Жигули» встречаются.

– Ну, ты даёшь! Так ты сюда рыбу приехал ловить?

– Ну да, устал, соскучился, взял от работы пару дней и приехал на Вуоксу, на весеннюю щучку-травянку...

– Из Израиля на Вуоксу? Ну, ты даёшь!..

– Да говорю же: устал, соскучился – вот и приехал.

– Ну, ты даёшь! Ну, ты и даёшь! Во, блин, Костя, он из Израиля к нам на рыбалку приехал! Ну, ты даёшь...

– А что такого? Приезжайте к нам – на Киннерете, где Христос по водам ходил, отлично сом ловится, да и карп. А около Голгофы неплохой ресторанчик.

В отличие от милиционера, второй мужик, очевидно Костя, всё не выходил из ступора.

Я понял, что надо кончать эту тему, иначе их совсем кондратий хватит.

– Ребята, там обычные люди живут, такие же люди. Вспыльчивые, конечно, но не злобные, как в песне поётся: там живут несчастные люди-дикари, на лицо

ужасные, добрые внутри – это про израильтян. А они нас считают дикарями. Все нормально, давайте ещё за встречу тяпнем.

– А пьют там?

– Пьют, но мало. Компания мужиков соберётся в ресторане, закажут бутылку вина, кока-колу, торт – и радуются.

– Чему радуются?

– Да всему радуются, просто радуются. Я тоже не понимаю, как они так всухую могут, но могут же.

– Точно, блин, дикари, – Костя наконец заговорил, – точно. Понятно, что тебя сюда тянет. Тянет? – спросил он с нажимом.

– Тянет, – честно признался я, – друзья здесь, природа, белые ночи, грибы, рыбалка...

– То-то, – сказал Костя, – классные места. Но жизнь – собачья.

Всё, сейчас начнутся разговоры о политике, тогда не до рыбалки будет, но меня спасло неожиданно возникшее Девяткино.

– Костя, сходим, бери снасти, – закричал милиционер, – бери снасти скорей!

Они выскочили на платформу и, пока электричка не отошла, смотрели на меня.

– Ну, ты даёшь, – ещё раз в окно сказал милиционер. Но на Ладогу больше не позвал. А жаль...

Я очень люблю такие встречи. Что-то в них есть настоящее. Но чтобы они случались, надо хотя бы немного выходить за рамки нормальности, тогда есть шанс, что произойдет нечто адекватное.

Мы приехали из Израиля в отпуск и собрались в лодочный поход на родную Вуоксу. Утром я поехал покупать червей на Финляндский вокзал, к броневичку. Там алкаши с шести часов продавали опарышей в бумажных кулечках. Купил червей, захожу в здание вокзала, вдруг слышу ивритскую речь. Неожиданно, мягко говоря. Подхожу поближе – и вижу израильтян, маму с сыном, видимо впервые за 30 лет сумевших приехать на родину. Женщина говорит по-русски с сильным акцентом, и на этом языке втолковывает продавщице:

– Если я возьму у вас пять моделей машинок, то сколько вы хотите, чтобы я заплатила?

Продавщица смотрит на неё, как на неполноценную, и говорит:

– Одна машинка стоит десять рублей, значит пять машинок будут стоить пятьдесят.

– Но я же беру у вас пять машинок, а не одну, – удивляется ивритянка, – значит стоить должно не пятьдесят рублей, а меньше.

– Пять умножить на десять равно 50, – пишет ей на клочке бумаги продавщица, – я же говорю – пятьдесят рублей, вам понятно, женщина?!

В это время вступает сын этой русской израильтянки, который сам по-русски не говорит, но, видимо, что-то понимает: «Има, локхим хамеш ауто, цриха лихьёт анаха» – «Мама, мы берём пять машинок, должна быть скидка!» Я понимаю, что конца этому соприкосновению культур не будет никогда. Подхожу сзади к израильтянам и тихо говорю на иврите: «Здесь скидки не будет, это не Израиль, одна машинка стоит десять рублей, значит пять стоят пятьдесят». Шесть утра, Финляндский вокзал... парень видит меня, опарышей, удочку – и слышит иврит. Его карие глаза округляются.

– Иврит? – говорит он.

– Иврит, – отвечаю я. – Не волнуйся, я из Израиля, не из КГБ, я просто приехал в тиюль (поход) и хочу помочь тебе с языком.

Мама парня оставила в покое злосчастные машинки и смотрит недоверчиво. Скорее всего, она бывшая ленинградка и помнит ещё, что Большой дом совсем недалеко от Финляндского.

– Вы живёте в Израиле?

– Да, в Кириат Оно.

Это её успокаивает.

– А здесь что делаете? – спрашивает она.

– Приехал рыбу ловить, соскучился.

– А-а-а, понятно, соскучились...

В Израиле есть такой классический анекдот. Встречаются два израильтянина из бывшего Союза, один спрашивает другого: «Ты откуда?» «Да неважно». «Нет, ты всё же скажи!» «Ну ладно, я из города А». «Брось ты, нет такого города». «Хорошо, я из Черновца». «А-а-а-а...»

Так и эта женщина, сказала: «А-а-а-а» – как выдохнула. Потом добавила:

– Я тоже здесь давно не была. Многие изменилось. Я не стал говорить, что я-то здесь был год назад.

– М-да-а, многое. Объясните вашему сыну: пятьдесят рублей – это около десяти шекелей, жалко времени торговаться, да и бессмысленно.

– Да, конечно, я объясню, всего вам хорошего, шалом.

Они пошли к выходу, так и не купив машинок. И правильно сделали, дрянные машинки, китайские, красная цена им – три рубля, и то в базарный день, а не в шесть утра на Финляндском.

Затоварившись опарышами, мы с друзьями доехали до Каменногорска, взяли лодки и отплыли на один из островов на Вуоксе, где и встали лагерем дней на пять. Среди мелких походных удовольствий отсутствие бритвы является одним из самых изысканных. «Лучше один раз родить, чем всю жизнь бриться», – говорил один из наших знакомых. «Мыться тоже не обязательно, от грязи микробы дохнут. Мужик должен быть могуч, дремуч и вонюч», – вторил ему другой. От себя добавлю, что тот, кто в походе не

испачкает штаны кетчупом и костровой сажей – фраер и зануда.

Прошли пять дней, а на шестой мы с Лёней взяли грибную корзину и отплыли на «Большую землю», чтобы разведать, нет ли поблизости какой-нибудь дороги. Берега в этом месте топкие, низкие, много тростника и ивы, все это отчаянно цепляется за щетину, корзину

и за то заветное место, где испачканные кетчупом брюки образуют перевернутую букву «V» – видимо, от латинского «виктория», то есть «победа». Вдруг кусты расступились и открылась поляна, а на ней – две чёрные «Волги». Рядом с машинами стояли упитанные люди в костюмах с хрустальными бокалами в руках. В бокалах явно что-то было. Две дамы были в длинных платьях. Все смотрели на нас с нескрываемым испугом, так что версия о гуляющих на природе партийных функционерах отпала сама собой.

Лёня первым вышел из всеобщей каталепсии.

– Извините, вы не знаете, есть ли здесь дорога на Каменногорск? – спросил он.

В ответ тишина, все стоят как замороженные.

– Мы ищем дорогу до поселка или города, вы случайно не знаете, есть ли дорога поблизости? – это уже я изобразил не слишком осмысленный вопрос, особенно при наличии двух «Волг» на поляне. Вряд ли они здесь самозародились...

Снова молчание. Наконец один из стоявших около машины отцепился от своего бокала, поставил его на капот, откашлялся для большей уверенности и сказал

по-английски: «*Who are you? Where are you from?*» (Кто вы, откуда вы?)

Вот это да! По-русски они не понимают. Странно, но не страшно.

– Мы из Тель-Авива, – как можно дружелюбнее сказал я по-английски и добавил, – из Израиля.

Кто их разберет, может они решат, что Тель-Авив – это деревня под Выборгом.

Наши визави переменились в лице.

– Откуда???

– Из Тель-Авива, Израиль. Знаете такое место?

Вместо ответа собеседник стал поддерживать отваливающуюся челюсть, вид у него был, как на приеме у зубного врача. «Наверное, это рефлексорное», – подумал я.

– Вы шутите?.. Вы что, действительно живёте в Израиле? – спросил он.

– Да, я живу постоянно в Израиле, но сейчас стою здесь, и нам нужна дорога на Каменногорск.

Все смотрят на наши небритые физиономии, на одежду, на эту кирзу и дерюгу – и не верят. На лицах ясно написано, что не может этого быть, потому что этого не может быть никогда. Спросить, кто мы такие на самом деле и как нас занесло из Израиля в карельский лес, никто не решается. А хочется, ой как хочется, это на лбу написано. Николай Федорович Трубицын в таких случаях говорил, что ответ должен быть не умнее вопроса, даже

если вопрос не задан...

– Мы здесь рыбу ловим, – ответил я на незаданный вопрос.

– Рыбу?! – переспросил мужчина и посмотрел на пустую грибную корзину.

– Рыбу! Рыбу ловим, а грибы собираем. Когда есть грибы, собираем грибы, а когда клюёт рыба, мы её ловим. А потом едим, – твердо сказал я, поскольку с детства усвоил, что честность – лучшая политика, особенно когда нет веских причин для вранья.

Пауза затянулась. Чтобы разрядить обстановку, надо сменить тему разговора. Бывали ли они в Иерусалиме? Да, в Иерусалиме кто-то был, на Средиземном море тоже, а в Эйлате нет. Всё ясно, вы должны приехать к нам снова, Израиль замечательная страна... красивая, гостеприимная. Все дружно кивают, любовь к далекому Израилю растапливает лёд. Главное – не свалиться в обсуждение палестинских проблем, тогда кранты, к дороге на Каменногорск не вернуться ни за какие коврижки.

– А что здесь происходит? Вы что-то празднуете?

Мой английский действует на них как дудочка на кобру, они немного успокаиваются и объясняют, что они – финны из Финляндии, что до войны у них на этой полянке стоял родовой хутор, нечто вроде имения, мыза, потом русские всё это разрушили, а сейчас прошел слух, что будут возвращать землю хозяевам. Они приехали по этому поводу сюда, нашли старые, поросшие травой фундаменты, вскрыли над ними шампанское, выпили за отчий дом, за корни и довоенную хуторскую идиллию. Потом выбрали укромное место и зарыли в землю бутылку

водки – как символ того, что они вернуться снова в свой дом. Не успели её зарыть, как кусты раздвинулись, из леса появились два небритых субъекта устрашающего вида – это мы – и поинтересовались по-английски, где здесь дорога на Каменногорск. Финны сразу решили, что за ними уже пришли – сработала генетическая память... Очень логично: только зарыли в землю водку на Вуоксе – из кустов появляются двое с грибной корзиной, говорят, что из Израиля... Можно испугаться?!

– Можно, – говорю я, – я бы точно испугался, будь я карельским финном. Но если испуг уже прошел, то скажите, где здесь дорога в Каменногорск?

– Дорога прямо за поляной, её к нашему хутору строили, с тех пор и не чинили, но проехать можно, километров семь до асфальта. Вас подвезти?

– Спасибо, подвозить не надо, мы сами. Удачи вам с вашим хутором. Но лучше в Израиль приезжайте, больше шансов, что хутор к вам вернется, всё-таки Израиль – страна чудес. Да и теплее.

И мы с Лёней ушли обратно, туда, откуда вышли, то есть в кусты. Бедные финны... Зачем им хутор там, где даже бутылку водки спокойно в землю не закопать? Во-первых, выруют, а во-вторых – земли-то нет, камень один, Карелия всё же...

С Карельской почвой связана ещё одна рыбацкая история. Мы были вчетвером с Андреем, Ритой и Таней на озере Хойтианен, в финской Карелии. Прекрасный дом на берегу озера, лодка, удочки, красота немыслимая. Одна беда – сухо очень, червей нет совсем, а глубоко не копнёшь – почва не та... Андрей посмотрел на всё

это и говорит:

– Знаешь, Женя, сухо сейчас, трудно будет червей накопать. Давай я после работы заеду в рыболовецкий магазин в Йоэнсуу и куплю банку червей. Дороговато, шесть евро, но, в конце концов, мы же не каждый день в Финляндии! Отдохнуть хочется по-человечески, давай купим.

– Давай, конечно, ну что шесть евро – все равно потратим, а тут хоть понятно, что для удовольствия.

– Ну и отлично, – сказал Андрей, – я куплю червей.

Назавтра он уехал на работу и за червями, а я подобрал банку попросторнее, набил её мхом, перегноем, смочил водой, чтоб было не сухо, наделал дырочек – в общем, соорудил для ожидаемых червей пятизвездочную гостиницу. Приехал Андрей с червями из магазина, я взял свою красивую большую банку для их переселения, Андрей открыл магазинную банку и перевернул её в мою.

Оттуда выпал один червь – и сразу зарылся в листья. Андрей посмотрел на магазинную банку и сказал:

– Их там ещё очень много.

– Много? – сказал я с подозрением. – Сколько?

– 49 штук, – невозмутимо ответил Андрей, – я купил 50 червей за шесть евро, значит в банке осталось 49.

– Да? И где они там, почему не перелезают?

– Потому что не хотят. Они в земле, наверное. Закопались в землю и не лезут. Сейчас посмотрим.

Андрей ещё раз открыл купленную банку и медленно растёр между пальцев чёрную жидко-грязную землю. Червей не было. Андрей почесал бороду.

– Да уж, – сказал он, – шесть евро за одного червя... дороговато.

– Дороговато. И как-то обидно.

– Шесть евро стоит пол копченого лосося, – задумчиво произнес Андрей.

– Сволочи финны, – начал заводится я, – ну просто сволочи! Если бы нас так надрали в России, то не обидно, дело привычное. Если бы в Израиле или Турции – тоже понятно: восток, надо обувать дурачков из России с деньгами в карманах, иначе они сами со временем кого хочешь обуют. Но финны... из-за шести евро... в фирменном магазине... в банке с этикеткой, не в кулке... так низко пасть... Как же теперь жить, как вернуть веру в человечество?!

– Давай всё же оставим этого червя в новой банке, – предложил Андрей. – Может, он беременный, может назавтра у нас будет много маленьких червячков?

– Может, он какой-то особенный? Может, на него одного вся финская рыба как раз и сбегится? Давай лучше его порубаем на шесть кусочков и подождем, пока каждый кусочек разовьётся в полноценного червя. Ты не хочешь съездить в магазин? Скажешь им, что это самый дорогой червяк в мире и что мы, пожалуй, отошлём его в книгу рекордов Гиннеса вместе с адресом их магазина.

– Не поеду! Лучше оставим червя в банке, на развод, а сами будем на спиннинг ловить.

На том и порешили. Червя, или, как сказали бы англичане, «**the** червя» оставили в банке-гостинице, среди мхов и листьев, а сами стали ловить на воблера.

Судак брал на воблера дикой раскраски, которому самое место на новогодней ёлке, где-то между звездой и Дедом Морозом. Но судаку эта смесь красно-зелёных блёсток нравилась, а нам нравился судак. Все были довольны. Червяк не расплодился, но и не сдох. Я изредка посматривал на него – символ поруганной веры в человечество вяло копошился в земле.

Через пару дней Рита вышла на веранду и, томно позёывая, сказала:

– На что будем ловить, на воблера или на червей?

Мы с Андреем одновременно повернули к ней головы, как будто скрепленные общей шеей.

– Рита, – сказал я, слегка заикаясь, – ты употребила множественное число? Наш шестиевровый «**the** червь» размножился?

– Да откуда я знаю, – Рита передёрнула плечами, – надоело блесну кидать, вон банка с червями стоит...

– С червями? Ты имеешь в виду, с червём? Вот эта, большая, красивая, с дырочками?

– Я имею в виду ту, которую Андрей привез из магазина.

– Пустую? – спросил я и открыл банку. А там черви, червячки – все 50 штук.

И тут до нас дошло. До нашего приезда в этом же доме на берегу озера жили другие люди. Им тоже было лень копать червей. Они тоже поехали в Йоэнсуу, в тот же самый рыболовецкий магазин, купили червей в такой же банке и неделю ловили рыбу. Когда Андрей приехал из магазина, он поставил свою банку с правой стороны веранды. А когда мы стали перекладывать червей, то взяли старую банку с левой стороны. В ней был ровно один выживший червяк. Он и был посажен на развод. А купленные черви всё это время стояли спокойно с правой стороны. В общем, сюжет почти шекспировский, в крайнем случае «Труффальдино из Бергамо».

Ну, что ж... Червяку, пережившему две рыбалки, были отданы положенные ему почести – как герою, а потом его выпустили на свободу среди финской природы. Главное же – финны оказались ни при чем. Не сволочи они, нет, и берут деньги лишь за то, что делают. Сразу полегчало, вера в человечество возвращалась вместе с каждым червяком. Ради этого стоило страдать. А на купленных червей стал брать некрупный, но упитанный лещ.

О лещах мне рассказывал как-то новый российский фермер Петя Поташёв на речке

Пяльма, что впадает в Онегу. Он ловил их по весне в несметном количестве и измерял рюкзаками. Было в этом что-то былинное. И сам Петя смахивал на Микулу Селяниновича. Удивительно, он не только мечтал о возрождении своего края, не только прекрасно чувствовал землю и природу, он ещё верил, что можно всё изменить, работая на совесть. Если ему рога не обломали, надеюсь процветает сейчас. Хотелось бы...

На Онеге красивейшие места с богатым прошлым и убогим настоящим. Деревня на реке Пяльма с одноимённым названием стоит еле живая,

вся в воспоминаниях об ушедшей жизни. Но такое чувство, что если Пете повезет, то она сможет выжить. Я там впервые ел северные «калитки». В детстве они назывались «шанежки», но то было в детстве и на Урале.

Среди пямлячан часто попадаются черноглазые и горбоносые товарищи. Говорят, в XVI веке евреев из-под Смоленска вынесло к Ивану Грозному, в Москву. С Васильевичем лучше было не связываться, и евреи двинули дальше на Север, в Заонежье. Пяльма оказалась во многих отношениях подходящим местом – до власти далеко, до Крайнего Севера не близко. Они стали плодиться и размножаться, постепенно утратив свои этнические корни, но сохранив генетические особенности. Так и появились горбоносые пямльские рыбаки. Ловят на Пяльме сейчас в основном щуку, все навыки ловли лосося пожрал Рыбнадзор. Раньше, если Рыбнадзор удавалось спойть вусмерть, пямлячане ловили онежского лосося на банку или на факел с острой. Сейчас все перегорожено сетями, и в реку из озера почти ничто живое не проходит.

Лосося в этих местах называют **лбось**, с ударением на первом слоге. Он – женского рода и имеет в просторечьи имя «Рыба», в отличие от всех остальных рыб. Например: «Ты рыбу ловил?» – «Ловил, поймал три Рыбы и много рыб». Самца Рыбы зовут «лох». Видимо, это какой-то германский корень, не зря почти на всех языках лосось – «*lax*».

Однажды я взял спиннинг и пошел вверх по реке. Кострища рыбаков по берегам и заросшие поляны на местах бывших лагерей придают пейзажу несколько жутковатый колорит. Я кинул спиннинг и впервые в жизни увидел, как наперерез блесне несётся по мелкой прозрачной воде торпедообразная щука. О-о, это зрелище! Щука схватила блесну, я начал мотать катушку, не давая щуке опомниться и подтягивая к берегу. Подтянул – и тут соображаю, что берег обрывистый, метра полтора,

наверное, а подсачека у меня нет. На полном ходу кручу катушку и выдёргиваю щуку из воды. Щука подлетает почти к моему лицу, срывается с крючка – и летит обратно в реку. Вслед за ней, не удержав равновесия, лечу я, все 120 кг одной тушкой... Хоть и омут у берега, но неглубокий, около метра. Я встаю, отряхиваюсь – и вдруг вижу, что рядом со мной тихо и благостно плавает та самая щука. Контуженная! Не успела она упасть в воду, как сверху на неё свалился я. Кверху пузом она не всплыла, но и двигаться тоже не могла. Во всяком случае, дар речи потеряла, «отпусти меня» не сказала, поэтому мы её зажарили и съели. И не только её...

Вообще-то, в российских полевых условиях я избегаю говорить, что приехал из Израиля. Спокойнее без этого. В один из походов мы встали лагерем на берегу Беломоро-Балтийского канала, недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря. Дивной красоты там озеро, мощные стены монастыря выходят клином к воде. К причалу подошёл пароход из Москвы. Из него высыпали иностранцы, все в одинаковых майках «*I vote for peace!*» – «Я голосую за мир!» Неплохая идея, за мир так за мир, кто же против. Одна из девиц

с мощным бюстом приблизилась к нам. Слова «*vote for*» попали у неё во впадину, в отличие от «*l*» и «*rease*», которые задорно подпрыгивали и колыхались. Мир явно сотрясился на её могучем теле. Я вспомнил рассказ своих родителей. В шестидесятые годы были популярны свитера с пасущимися на них оленями. Одна дама с роскошными формами надела такой свитер. Естественно, мужчины обратили на это внимание, и, естественно, дама кокетливо спросила: «На что вы смотрите, на оленьей?» «На пастбище!» – немедленно ответили ей...

Голосующая за мир девица направилась к нам и сказала по-английски, что хочет поговорить с местным населением. Мы поискали глазами местное население, но не нашли. Мой ближайший товарищ по университету Миша Зимнев, похожий лицом на разночинца и народо-вольца одновременно, сказал ей, что сам он не местный, а вот этот – и он указал на меня – он как раз местный. Борец за мир моментально заглотила наживку. «Ну и дура, – подумал я, – ты посмотри на меня в профиль, какой я местный? Если я местный, то ты – Брижит Бардо...» – и приготовился к разговору за мир.

– Наша организация занимается связями между людьми разных стран, – заявила иностранка. – Мы хотим, чтобы люди доброй воли объединились.

– *Sounds good* (звучит хорошо), – сказал я.

Интересно, как по-английски звучит «благими намерениями вымощена дорога в ад»? Перевести я, конечно, мог, но как это на самом деле звучит по-англий-

ски? Может, спеть ей «Если бы парни всей земли разом...» А что разом? Забыл я, что разом! А-а-а, «разом бы песню одну»...

– Извините, вы откуда? – спросил я.

– Из Сан-Диего, – ответила она.

В Сан-Диего я бывал, университет там хороший, и берег океана впечатляет. Идёшь по нему – пеликаны проносятся низко над водой, летят к скалам, где бакланы вперемежку с морскими львами рыбу ловят... Сказать ей, что ли, что она беседует с «местным» из Израиля? Но говорить об этом не стал, а сказал просто:

– Мой товарищ пошутил, я из Ленинграда, вы лучше действительно с местными поговорите, раз уж здесь оказались. А ещё лучше – монастырь посмотрите, там фрески Феофана Грека сохранились.

Кто такой Феофан Грек, дама из Сан Диего знать не могла, но она же американка – значит, за совет надо благодарить.

– *Thanks a lot* (спасибо), – сказала она и добавила механически, – *sorry* (извините).

Так принято в Америке по любому случаю – *sorry, sorry*.

– *Don't be sorry, we shall meet sometime and somewhere* (Не извиняйтесь, мы встретимся когда-нибудь где-нибудь).

Дама заколыхалась по направлению к монастырю. Там действительно появились какие-то мужики. Трезвых среди них не было, это точно, так что она сможет получить самую разнообразную информацию.

Мы же отправились к нашему лагерю на берегу канала, в район деревни Топорня. Это было время, когда кто-то из вождей, кажется Ельцин, боролся за качество того, что пьёт народ. На Вологодчине все пили водку исключительно череповецкого разлива.

Напиток этот забирал с первого глотка, а со второго было полное ощущение, что третьего уже не будет. Редчайшая дрянь, уникальная, непонятно, что они использовали для очистки спирта, может шлаки с череповецкого металлургического комбината.

В лагере Рита зачитывала шкалу сексуальности мужчин по отношению к их профессиям. На первом месте шли лифтеры, на втором пожарники, на третьем – водолазы.

– А на каком месте находятся профессора физики и математики? – спросил Андрей.

– Их вообще нет в списке, – отрезала Рита.

Недалеко от наших палаток стояли какие-то местные, надо было идти на контакт с населением. У костра сидели двое и выпивали череповецкую водку. Я присел рядом. Все помолчали для начала разговора. После минуты правила этикета испарились, так как пора было наливать.

– Ну, как? Как идёт? – спросил я.

Мужики молча налили мне полстакана водки. Молча выпили, молча съели по куску хлеба.

– Дела как? Будет погода? А то башка болят, к дождю, наверное.

– Комар к вечеру жрёт, точно к дождю, – сказал один из мужиков.

– Дождь ерунда, волна бы не разгулялась, по волне сетку не поставишь, – сказал другой.

– Мы без сетки, – соврал я, – приехали новые места посмотреть.

– Значит, выпьем за знакомство! Откуда приехали-то?

– Питерские мы, – снова отчасти соврал я.

– А мы из Вологды. Ну, как там Питер?

– Работаем как собаки. Надоело. Вот, приехали немного отдохнуть, в Питере сейчас тоска, а здесь красота, хоть в отпуске хотим отдохнуть, порыбачить, грибы пособирать.

– Гриб ещё не пошёл, но лисички есть.

– По мху?

– Нет, по папоротникам.

– Семьями?

– Километрах в трёх отсюда есть лог, три дня назад оттуда бабки по два ведра лисичек притащили.

– Два ведра? Ну ни фиги себе!

– Два ведра каждая. Еле припёрли, сам видел. Вот, выпьем за Север. У вас в Питере такой красоты нет. И рыбалки нет.

– У нас такого нет, какая там рыбалка, людей много слишком.

– Да, я природу люблю, – философски заметил один из мужиков. – Ты кем работаешь?

– Мы все учились вместе, математика, физика – технари...

– А я лифтер, – сказал мужик, – а вот он – пожарник.

Я чуть не подавился, череповецкая водка встала поперек горла.

– Мужики, а где ловить-то здесь?

– Тот берег видишь? Там разлив, отгорожен вешками. Когда-то здесь деревня была. Когда канал строили, деревню затопили, все это там под водой, по малой воде телеграфные столбы из воды торчат. Около столбов ил намыло, там язь берет. Около столбов ловить надо. Язь там хороший, спина у него что твой... – и мужик доходчиво объяснил, какая именно спина у местного язя.

– Ладно, выпьем за Питер, за колыбель, мать её ети, – сказал второй мужик. Судя по тону и сленгу, отношения становились всё более теплыми. Только бы не ляпнуть про Израиль и Тель-Авив.

– Какая сейчас у вас погода?

Гм... В Тель-Авиве было около 35 градусов в тени, если найти тень.

– Градусов семнадцать, – говорю я, – погода на букву «х», не подумай, что хорошая. Мерзкая погода. И рыба не клюет. И вообще, работа осто... чертела. Как тут с грибами?

Очень важно войти в цикл, тогда собеседники начинают чувствовать в тебе своего.

– Вчера бабки по два ведра лисичек припёрли, километрах в трёх есть старый лог.

– Под папоротниками?

– Под папоротниками.

– А мы в детстве папоротники маморотниками называли.

– Почему маморотниками?

– Потому что есть папоротники, а есть маморотники. Маморотники вкусные, их маринуют, как грибы, и едят. Вкус ореховый.

– Едят? А для закуски можно? С водочкой?

– С водочкой очень даже.

Чувствую – всё, плыву, отключаюсь. В сухом остатке: клюет язь, а в лесу лисички. Маловато информации, но общаться больше не могу. Надо звать Андрея на помощь, а самому уползть в палатку водку переваривать, череповецкую. Как эти пожарники и водопроводчики могут такое пить! Может, сказать им, что в Питере мы были вчера, а позавчера – в Тель-Авиве?.. Или не надо?.. А впрочем, неважно, говорить сейчас – задача непосильная, спать, и немедленно!

Наутро голова была как скульптура «Тройка» Каслинского завода чугунного литья. Я вылез на свет божий часам к двенадцати, гляжу – идёт один из вчерашних друзей к нашему лагерю. Я помню лишь, что он друг, но лифтёр или пожарник – вспомнить не могу.

– Привет, – радостно говорит он, – а ты вчера круто вырубился. Вот, возьми подарок!

Он достаёт трёх здоровых яззей со спинками как... ну, в общем, с хорошими спинками. Я несколько смущён.

– Ну что ты, ну зачем? Мы сами поймаем.

– Бери, – говорит мужик тоном, не терпящим возражений. – У тебя баба есть?

– Баба?.. – я всё ещё плохо соображаю. – Ах, баба!!! – Это он о Тане. – Есть у меня баба, есть.

– Зови, – говорит мужик, – зови её.

– Таня, иди сюда, пожалуйста!

Мужик протягивает ей яззей.

– Бери! Бери, говорю, что смотришь? Время идет, бери!!! Сейчас за дружбу выпьем.

С этими словами он достаёт из необъятных карманов череповецкие пол-литра, два стакана, кусок хлеба, ножик и кусок жёлтого вологодского масла в пергаментной бумаге. Наливает каждому по стакану и говорит: «За дружбу с Питером!» Мы выпиваем, я чувствую, что с утра это не лишнее, а то сушняк страшный. Мужик берёт ножик, отрезает хороший кусок хлеба и густо мажет его маслом. Смачно откусывает половину бутерброда одним укусом и даёт вторую половину мне. Я вижу скульптурный слепок его верхней челюсти на масле. «Ни одной

пломбы», – машинально думаю я. Видимо, надо съесть этот слепок, иначе какие же мы дру-

зья! Я выдохнул и съел зубы лифтёра. Или пожарника. Масло вологодское было божественное, хлеб был ржаной, пропечённый, где такой в Израиле возьмешь! Отпечаток зубов вкуса не имел и растаял, как сон в летнюю ночь. Было волшебно. Вот это отдых, куда там Канарам!..

И действительно, куда там Канарам, Мальдивам и Парижу до наших удовольствий!

Я помню, кто-то из профессоров Университета жил рядом с Марсовым полем. Когда к нему приезжал очередной коллега из-за рубежа, он говорил:

– Слушайте, нет большой разницы между Эрмитажем и Лувром, здесь Русский музей, зато в Испании – Прадо. А я вам сейчас покажу то, чего нет нигде, только у нас. Не пожалееете. Мы сделаем вот что: возьмём бутылку «Столичной», три стакана, спустимся вниз, в подворотню, и выпьем там эту бутылку.

– А зачем нам три стакана? – не понимал иностранец.

– В этом-то как раз и суть. Нас двое, а вдвоём пить – лишь тоску будить. Пить надо троём.

– А кто третий? – спрашивал обалдевший гость.

– Вот, – говорил профессор, – вы уже задаёте правильные вопросы. Сейчас спустимся, подождём минутки три, тогда и узнаем...

Распитие профессорской водки было довольно давно, в восьмидесятых. Много позже, уже в Израиле, мне подарили снасть для ловли нахлыстом. Для тех, кто не знает, следует сказать, что ловля нахлыстом – высший класс рыболовецкого искусства. Настоящие хлыстовики смотрят на обычных рыбаков с удочкой примерно так, как солдат смотрит на вошь, или как, скажем, оперный певец на дворового барда. Все, конечно, зависит от конкретного человека. Я вот не люблю оперу и считаю её чуть человечнее балета, но значительно хуже оперетты. А у моего приятеля, по его же словам, от «Аиды» наступает оргазм. Это дело индивидуальное, связанное с темпераментом, гормонами и воспитанием. Одни любят суши, а другие – свиной хрящик.

Но всё же ловля нахлыстом объективно эстетична, и любой, кто хоть раз её попробовал, уже никогда не будет прежним. Вот с «попробовать» как раз всегда бывают большие проблемы, поскольку для нахлыста нужна специальная снасть и гуру, который объяснит, что с этой снастью делать. Итак, мне подарили снасть для нахлыста, дело оставалось за гуру. К счастью, в Тель-Авиве случилась конференция по физике и связанный с ней сабантуй у нас дома. На сабантуй пришёл после своего доклада Шура Таганцев. Он умеет ловить нахлыстом и этим благородно выделяется из общей массы физиков и рыболовов-любителей. Кроме Шуры, у нас собрались ещё: Андрей, который просто всё умеет, Митя Таганцев, которого учил в детстве нахлысту отец, как и Шуру, но который в силу общей вяловатости не брал с этого самого детства снастей в руки, и «Дядька» – Володя Иваненко, который, наверное, тоже все умеет, особенно когда выпьет.

Ну, к часу ночи чувствуем – достигли кондиции, пора начинать учиться рыбалке. Сначала, оказалось, надо завязать три узла. Или четыре. Это уже все равно... потому как завязать их трезвому невозможно. Шура оптимистично сказал, что какой-то из них вяжется не более трех-пяти раз в жизни, и что в учебных целях мы завяжем более простой узел. После чего Андрей его завязал... Потом выяснилось, что требуется банд-шнур и ещё какая-то пакость. Но в конечном итоге снасть собрали.

Шура всё время повторял, что главное – острый крючок на конце мухи. Он что, в своем уме? Это же не крокодил, а муха, как можно ей заострить конец?! Хотели использовать для этой цели алмазный надфиль, но удалось ограничиться пилкой для ногтей. Шура объяснил, что настоящие ценители нахлыста сами вяжут мух длинными зимними вечерами, что это такое искусство, вроде макраме или оригами, и что лишь новички да пижоны пользуются покупными мухами с тупым концом. Ладно... Выпили ещё, заострили мухе всё, что надо.

– Где будем ловить? – бодро сказал Шура. – Здесь где-нибудь вода есть? Что у вас за окном блестит?

За окном темнел двадцатиметровый бассейн нашего кантри-клуба.

– Это бассейн, мы в нём плаваем.

– Отлично, – обрадовался Шура, – сейчас пойдём туда учиться.

Сейчас – это в час ночи. Я представил себе марокканскую полицию (полиция в Израиле в основном из Марокко), которой ночью надо будет объяснять, что мы ловим рыбу в бассейне высокоспортивным методом, и отказался.

Тогда Митя оптимистично сказал:

– А зачем нам бассейн? Будем кидать нахлыстом на дороге!

Я представил себе марокканскую полицию, которой надо будет объяснять, что мы ловим рыбу на улице Харимон в час ночи... и согласился – чёрт с ней, с полицией, надо же где-то учиться нахлысту, почему бы и не на улице!

Вышли всей компанией, стали забрасывать удочку. Красиво – потрясающе: темно, кругом финиковые пальмы, апельсиновые деревья, что-то длинное со свистом рассекает воздух, а Шура громко по-русски комментирует... объясняет. Где держать, как откиды-

вать, куда смотреть. Под сорок пять градусов надо кидать леску, под сорок пять – и не иначе! Вокруг ходят машины, вернее ездят. А мы ходим... Класс!!!

Муху в темноте не видно, её острый конец на асфальте без надобности. Привязали к концу лески белую бумажку, стали кидать лесу с бумажкой на соседнюю улицу Зеитим, то есть Масличную – земля-то библейская. На дороге не клюёт, зато машины стали шароухаться от бумажки более резво, чем от мухи. Хорошо бы не пристрелили, всё-таки не каждый знает, что это мы рыбу ловим, а не бомбу кидаем.

В это время какая-то девчонка останавливается около всей компании и обращается к Иваненко на иврите. Уж я не знаю, с чего это она к Дядьке на иврите обратилась, ведь не первый день на свете живёт, могла бы и по-английски спросить. Впрочем, как раз Дядьке это всё равно... Я не успел рта раскрыть, как Шура, возбуждённый рыбалкой, спрашивает у неё по-английски: чего надо? Дивчина – израильянка прямо для этнографического музея и наверняка с йеменскими корнями – отвечает: мол, нет ли сигареты?

– Дядька, – кричит Шура с другой стороны улицы, не выпуская из рук спиннинг, – Дядька, она хочет закурить, дай ей сигарет!

– Ах, сигареты, – приободряется Володя Иваненко, – сигареты, сейчас... – но Митя уже даёт ей питерского «Петра Первого»...

Израильянка, выросшая на «Мальборо» и «Кенте», смотрит на пачку с изображением царя и лошади с некоторым сомнением.

– *You can smoke* (можешь курить), – приободряет её Митя.

В темноте поблескивает спиннинг, на тротуаре белеет бумажка. «Только бы не добавил *“You can fish”* (можешь порыбачить)», – думаю я. Наконец она берет сигарету и глубоко-мысленно говорит на иврите: «Вы, наверное, не здешние»...

Вокруг благоухала дурманящими, медовыми запахами теплая израильская ночь, с пардесов за пустырём доносился легкий аромат флёр д’оранжа, перевёрнутая луна висела на перевёрнутом арабском небе. Мы ловили рыбу на асфальте, между Гранатовой и Масличной улицами, у себя дома, в Гиват Шмуэле. Все были навеселе, а рядом, как у Пастернака, стояли удивлённые пешеходы. Это было прекрасно!

И это было странно! Ведь мы прилетели в Тель-Авив в феврале 1993 года – в чужую, незнакомую, обезличенную страну. Трап подъехал (тогда ещё были трапы), дверь открылась, секунда – и липкая, душная атмосфера шибанула по лицу. Боже, где мы? что мы? зачем мы?! Здесь вообще нормальные люди живут?

А через две недели я нашёл свой первый туземный маслёнок и понял, что в Израиле есть леса, грибы, и всё не так уж плохо.

Уезжая из Ленинграда, мы сказали: «Ребята, летом, как и намечали, едем в поход в низовья Волги, на Ахтубу, на рыбалку». Нам ответили: конечно, едем, непременно, как только – так сразу. Именно так говорят с психами. С ними лучше всегда соглашаться, потом они – психи – сами забудут, о чём говорили.

Но не тут-то было, сумасшедшие бывают упорными, и в июле мы приехали из Израиля на Ахтубу, в небольшой пыльный городок Харабали. Из новых вещей с собой были израильские паспорта и коробка сабр. Сабра – это плод средиземноморского кактуса, опунции. Колючий он, сволочь, но если с плода содрать шкуру, то внутри обнаруживается более или менее съедобная сладковатая мякоть. Её едят, а специалисты настаивают на ней сладкий тягучий ликер – «Сабру». Сабрами зовут также коренных израильтян за их колючий нрав, но добрую душу.

Друзья встретили нас на вокзале.

– Быстро мотаем отсюда, – сказали они, – сегодня День десантника, здесь ни одного трезвого нет, все пьют, все десантники, у всех война. Ночь переждем, а утром сядем на «Метеор» в сторону Астрахани.

– Пьяные десантники?!

– Да, в стельку пьяные, некоторые прямо из Чечни, надо сматываться быстро. Тут такое творится – мухи к стерне прижимаются.

– Может, сначала поцелуемся?– спросил я Ирку, – всё-таки мы приехали сюда из Израиля.

– Потом, – резко сказала Ирка, – все потом, здесь у тебя не спросят израильский паспорт, а просто дадут в морду, так что целоваться-миловаться будем потом, а сейчас быстро по байдаркам и делаем ноги из города.

Но мы не успели. Переправились на остров, воссоединились со всей командой, пошли на берег посушить «Салюты». В это время подплыла лодка, оттуда вышел человек с кастетом и снёс Лёне бровь одним ударом. Просто так, для своего удовольствия. Потом прыгнул в лодку и уплыл.

Ждать, пока приплывет следующий бандит, не имело смысла. Я взял израильский паспорт, и мы отплыли обратно в город. Завезли Лёню в больницу,

наложили швы, а потом отправились в милицию Харабали.

Товарищ начальник оказался на месте. На погонах у него была пришпилена одна звёздочка, лицо было тусклым – подстать должности.

– Чего вам? – сказал он. – По какому делу?

Я достал израильский паспорт и сказал, что требую немедленно связать нас с израильским консулом. Милиционер хрюкнул и остекленел.

– С кем? – спросил он затравленно.

– С израильским консулом.

– Так вы что, из Израиля?

– Да, из Израиля, сегодня приехали, и на нас совершено нападение. Я требую защиты.

Майор боднул головой, видимо в надежде, что я со своим паспортом растворюсь в воздухе и отправлюсь обратно в Израиль. Но я остался на месте, и ему пришлось взять в руки себя и этот самый паспорт.

Вообще говоря, найти начало в израильском паспорте непросто. Мало того, что первая страница – это последняя, так и написано на ней на иврите. Обычно пограничники тратят на поиски весь имеющийся у них запас умственных сил и в двух случаях из пяти зовут другого такого же на помощь.

Майор тяжело вздохнул. Ясное дело, израильтян он в жизни не видел. Мысль об израильском консуле, который приедет в переполненный пьяными десантниками Харабали, была ему невыносима. Надо было срочно что-то делать.

– Сергеич, – позвал он лейтенанта, – наш «Козёл» на ходу?
– На ходу-то на ходу, да бензина нет.
– Твою мать, – начальник оживился, вступив на знакомую почву, – твою мать, слей в него со всех запасных канистр в отделении всё, что есть! На сколько там километров ходу?
– Километров на 150 хватит, – сказал Сергеич.
– Ну хорошо, возьмешь «Газик»... – он на секунду запнулся, – возьмешь израильских товарищей, поедете по району, будете осматривать всех подозрительных личностей, пока не найдёте.

Это был кайф! Мы подъезжали к очередной компании синюшников, милиционер переворачивал какое-либо из тел, спрашивал: «Этот?» Мы с Лёней качали головами, милиционер опускал тело обратно и мы ехали к следующим ханурикам. И так методично, в течение двух часов, по всему Харабали, пока не кончился бензин. Никого не нашли, но вернулись в отделение с чувством выполненного долга.

Товарищ начальник всё ещё был не в себе.

– Нет? – спросил он.

Ясное дело, нет.

– Ну, нет так нет. Вы вообще что здесь делаете?

– Да вот, приехали порыбачить.

– Из Израиля?

– Да, из Израиля.

– На Ахтубу?

– Да, на Ахтубу.

– Из Израиля на Ахтубу, ёшкин кот, у вас что там, нет ничего поближе? На кой чёрт вас сюда принесло?!

– Поближе у нас Нил, туда мы не хотим, а хотим на Ахтубу – вот и все.

Майор позеленел.

– Где я вам возьму консула, на хрена он вам сдался, вы что, обязательно хотите консула?

– Нет, – сказал я, – обойдёмся пока без консула. Швы нам наложили, пароход завтра. Мы требуем охрану до утра, а утром мы свалим из Харабали.

На майора снизошла благодать, лицо его просветлело.

– Охрану?! Это сейчас, это можно.

Через пятнадцать минут мы получили двух милиционеров для охраны. Им было строго сказано: стеречь нас, не пить, не есть, не спать, утром посадить на пароход и подождать, пока израильтяне и все остальные с ними не скроются за горизонтом.

Стемнело, на острове нас ждала вся команда. На костре жарили колбасу, ели-пили, балагурили – всё, как и положено в походе. В это время появляемся мы в сопровождении двух товарищей в форме.

– Это кто? – спросил Боря Мандель.

– Это наша охрана.

– Они с нами поплывут на байдарках?

– Нет, они нас будут пасти, пока мы не испаримся из Харабали.

– Это хорошо, – сказал Боря. – Вы что будете пить? – обратился он к милиционерам.

– Мы пить не будем.

– Это как?

– Спасибо, в самом деле не надо, – сказали милиционеры.

– Знаешь, – сказал Боря, – я знал, что ты псих и что в самом деле можешь приехать из Израиля на Волгу, но то, что ты приедешь в сопровождении двух непьющих ментов – вот это уж слишком!

Утром мы отплыли в низовья Ахтубы. А нашего бандита взяли через неделю. Он грабанул фуру с овощами и отобрал у дальнбойщиков двести долларов. На все деньги купил

водку и пил, пока не свалился замертво где-то недалеко от милиции. Там его и подобрали. Он оказался рецидивистом, и кроме кастета у него были и другие средства убеждения. Так что нам повезло. Не зря я требовал израильского консула – спасибо ему, помог.

Низовья Волги поразительно живописны. Мы остановились на одном из многочисленных островов. Налево, на восток, за рекой были огромные полузаброшенные яблочные сады. Над ними каждый вечер вставала яркая одинокая звезда. Это ракетчики в Ашулуке подвешивали на высоте километров десять-двенадцать летающие мишени и пуляли по ним из чего попало. Но если забыть про войк, то выглядело все очень романтично. Позади острова, на севере, находился район бесконечных переполненных птицами камышей. За камышами иногда были слышны автоматные очереди. Это уже калмыки разбирались с русскими, и все вместе разбирались с Рыбнадзором. Но стреляли не часто, далеко и не кучно.

Через несколько дней к нашему острову пристали браконьеры.

- Вы надолго? – деловито поинтересовались они.
- На пару недель.
- Откуда?
- Из Питера.
- Ладно, рыбу будете у нас брать.
- Так мы же её ловим!

- Ловить вы ловите, а покупать будете у нас. Черная икра нужна?
- Нужна, икра всегда нужна.
- Покупайте, есть две банки, шесть литров, недорого.

В самом деле, было недорого, очень недорого, просто смешные были цены. И что удивительно – действительно, икра надоедает. Ешь её, ешь, от души мажешь ломтик хлеба черной икрой и задумчиво смотришь на бегущую мимо желтоватую мутную воду. Потом берёшь следующий ломтик. Потом хлеб кончается... А река все течёт, и где-то на дне копошатся осетры.

Но однажды ночью наши браконьеры пристали к острову чрезвычайно возбуждёнными.

– К вам лодка не подъезжала? – спросили они.

- Подъезжала.
- Осетра предлагали?
- Предлагали, но мы не взяли, сказали, что у нас уже есть.
- Значит, предлагали рыбу?
- Ну да!
- Все, звездац, война, будем их мочить.
- А что такое?
- Да они наш шкуродёр сняли! Всё, блин, война.

Шкуродёр – это такая снасть с 400-500 здоровыми крючками. Её кладут на дно реки. Снасть совершенно разбойничья. Осётр – рыба донная, тычет носом по дну реки и за эти крючки цепляется. На одну пойманную рыбу приходится десяток покалеченных.

Да, места там сказочные... Но нравы были простыми – первобытными, как сама природа. Мы вырыли ямку и закопали привезённые из Израиля сабры. Пора было уезжать – в Питер, а потом в Израиль. Интересно было бы вернуться в эти места. Как там теперь наши сабры? Может, они выросли, и в них завелись маленькие сабры-израильтяне – носят кипы,

ходят по субботам в синагогу, едят питу с хумусом, торгуют с калмыками, чеченами и российской властью. Может, у них есть легенда о том, как 15 лет назад первые израильтяне высадились на этой земле и назвали её землёй молока и мёда. Были они высокими и стройными, и, как Моисей, на иврите не говорили...

Сейчас в России уже никого особенно не впечатляет, что ты из Израиля. Из Израиля – так из Израиля, велика невидаль. В прошлом году на Мурманском шоссе машину, которую я вёл, ударил сзади какой-то водитель-придурок по фамилии Сусанин. Наверное, потомок того самого, заблудившегося. Приехали гаишники, не сразу, но появились. И сходу слупили по пятьсот «рэ» с рыла – для согрева. За то, чтобы оформить бумаги сейчас, а не к утру. Потом уже попросили права. Я дал свои, израильские. Лейтенанта передёрнуло.

– Иностранец, – протянул он с тоской, – израильтянин... Где живёте? Адрес?

– Гиват Шмуэль, – сказал я.

Его снова передёрнуло. Но никакого столбняка, как бывало раньше, ещё три-четыре года назад.

Разве что угадывалась работа мысли: хорошо это или плохо материально? Как правило, менты решают, что израильтянин – это материально плохо, особенно если он ни в чём не виноват.

– Ну и как у вас там, в Израиле? – спросил лейтенант.

– Хреново, война, Хезболла, «Катюши», беженцы.

– Дерьмо, – сказал он. – Война – дерьмо.

– Дерьмо, – согласился я.

– В понедельник приедете в город Кировск, в отделение милиции, для встречи с инспектором, – буднично произнёс мент.

– Из Гиват Шмуэля? – спросил я.

– Откуда???

– Я в отпуске, в понедельник я буду в Израиле.

– Ну, не знаю...

Ни удивления, ни вопросов, ничего. А раньше бы впечатлений было – на две недели рассказов.

Всё течёт, всё меняется, как учил мудрый грек Гераклит в стольном городе Эфесе. Он всегда что-нибудь такое бессмертное изрекал. Например, «глаза – более точные свидетели, чем уши». Другие мудрые греки эту мысль записали и до нас донесли... Да, всё меняется. То есть пока ещё Россия полна неожиданностей, но ведь это может пройти??? Декорации меняются быстрее, сцена медленнее, а сущность действия – уж как карта ляжет. Вдруг распитие на троих – всего лишь антураж, а не сущность? Ужас какой! Приедешь в Россию лет через десять, спустишься с другом в подъезд – и будешь ждать кворума до второго пришествия.

Но если ритуальное распитие в подъезде – это сущность, тогда шанс есть...

